

Исходящий

РЕКВИЗИТ

Знаете ли вы, что такое исходящий реквизит? И я не знал до этого случая. Звонит мне Инна Чурикова и говорит: "Я вас приглашаю на пикник..."

Было это в 1979 году. Муж Инны Чуриковой, кинорежиссер Глеб Панфилов, которого, как выражаются конферансье, не надо вам представлять, снимал фильм "Тема". Я был его редактором. Фильм этот — вы уж извините за нечаянный каламбур, — тема особая. Но кое-что я вам расскажу. Чтобы было понятно. История создания этой картины напоминает мне аквариум. Знаете, такой хороший аквариум с водорослями, подводными гротами и с плавающими внутри этого подводного царства разными чудесными рыбками. Внутри горит специальная лампочка, и все можно рассмотреть в подробностях, — как они там живут и плавают.

До сих пор не понимаю, как

тогда прошел этот фильм все гроты-повороты и выбрался на свет божий. То ли в тот день, когда его показывали "на дачах", Самого не было дома, то ли его теще и домработнице фильм показался... Ах, вы не знаете, что такое "дачи"? Что ж, годы идут, хорошее забывается — ну так вот. В те благословенные годы полного порядка, прежде чем показать готовый фильм передовому советскому зрителю, его возили на дачи членов политбюро. Члены любили смотреть фильмы по воскресеньям. И с пятницы в кабинетах "Госкино" и в коридорах "Мосфильма" устанавливалась тишина вроде той, что воцаряется в операционной, когда идет сложная операция. В понедельник начальники и рядовые самого важного из искусств осторожно осведомлялись: на "дачах" смотрели?

Сказать, что фильм Панфилова в те годы был уязвим, значило бы сильно смягчить ситуацию. Он был не уязвим — он был непробиваем! В нем впервые в советском кино поднималась тема "Отъезда". (Простите опять "тема"!.) Тогда все все понимали — отъезда в эмиграцию советского интеллигент-

ЗАКУЛИСНЫЕ ИСТОРИИ

Чурикова - 1995 - 29 апр. - С.5

та. Нет, вообще-то в жизни уезжали, но на экране — уж извините, скорее "постельную сцену" разрешат, чем это. К тому же уезжали тогда только по "израильской визе". А при слове "Израиль" начальство тогда охватывала лихорадка вроде крапивной.

Работали мы с великим тщанием, бывало, ночей не спали, все изобретали способ, чтобы и начальство не слишком травмировать, и смысл фильма сохранить.

Инна Чурикова играла главную женскую роль. Ее героиня была прелестна, умна. Образ звучал лирическим стихотворением.

...Да, так звонит мне Инна Чурикова и сообщает, что западногерманское телевидение снимает о ней документальный фильм. Хочет, видите ли, показать немецкому зрителю, как живет советская кинозвезда. А как она живет, немецкое телевидение точно знает еще до приезда в Москву. Важно соблести железный перечень эпизодов. Какие это эпизоды? А вот такие: актриса в гримборной театра перед выходом на сцену (прямой вопрос — прямой ответ. Легкий грим. Входит костюмерша). Актриса на съемках нового фильма. Актриса дома в кругу семьи (общий план). Актриса с маленьким сыном (крупный план). Актриса утром на кухне за приготовлением завтрака (средний план).

И, наконец, актриса на отдыхе. Пикник на лоне природы.

Вот для этого последнего эпизода Инна меня и приглашала. Она человек правдивый и не хотела, чтобы там были какие-то статисты.

Лоно выбрали недалеко. Москвичи знают, что на подходах к Воробьевым горам чуть в низине стоит Дворец пионеров. А вокруг кущи-лесочки, лужайки, пригорки, красивый овраг с пологим косогором. На другой его стороне

такой же косогор, вплотную подступающий к новым домам.

Как сказал поэт, нашли большое поле, есть разгуляться где на воле, построили редут. Последний в виде огромной хрустящей крахмальной скатерти брошен этак небрежно на непримятую, некошеную траву. Прямо тебе картина Мане "Завтрак на траве"!

Тут я должен сообщить вам одну важную деталь кинопроизводства, чтобы вам был ясен, как сказал бы Станиславский, "подтекст" всего происходящего. Снимало, как вы знаете, немецкое телевидение, а услуги оказывал "Мосфильм". Что такое "услуги"? Не подумайте чего-нибудь фривольного. Это автомашины, тара, подсобные рабочие, реквизит, разная там посуда, бокальчики-стаканчики и все такое прочее. И в том числе то самое, что едят и что пьют на отдыхе дорогие хозяева и дорогие гости. Вот это и есть "исходящий реквизит". Потому, посудите сами — когда съемка закончится, бокальчики-графинчики, ложки-вилочки останутся, и даже скатерть останется — ее только выстирать придется, а что ели и что пили — извините! Киноискусство достоверное, в нем из пустых кружек из папье-маше, как на сцене, не опрокидывают! Тут все по правде.

...Я несколько опоздал. Мне говорят: идите вон в тот лесок. Прихожу. Пикник в самом начале, но уже как бы и выпили по первой. Вокруг скатерти человек двенадцать. Все веселье, общий говор, слов не разобрать, поодаль большой тульский самовар урчит, кто-то его раздувает, из трубы дымок идет. Услуги — одним словом. А на скатерти закуски. Как в старину писали, — белорыбца, икра, ветчина, пирожки, бутылки с терпким "Макузани", "Боржом"...

Перечислять и то тяжело — слюнки текут. Но главное — все это обволакивается запахом жареного мяса, смешанного с

запахом того дымка, что источают угли, мерцающие в мангале. Запах такой, что умереть хочется! А вот и сам мангал, да не один — два, а на них шпаги сиречь шампур с шашлыками. И все чин по чину — кусок замаринованной баранины, несколько кружков лука, потом сочное красное с желтыми косточками окружье помидора, потом еще кусок баранины с бледно-желтым жирком... И, конечно, блюда с зеленью — тархуном, кинзой, цицматы... Нет, век бы снимался в таком фильме!

Сидим, выпиваем, закусываем. Уже рокошет голос струнный, гитара...

За дружеской беседою, Коль пир идет горой, Заветам дедов следуя...

И мы следуем, и травим всякие байки из актерской жизни, рассказываем анекдоты.

Вот только одно странно — съемки нет. А нет ее потому, что солнца нет. А без солнца у немцев кадр не получается. В кино могут все. Коня на скаку остановить, в горящую избу войти, "мерседес" со скалы в море сбросить, конную атаку в две тысячи сабель произвести, ночь днем снять. А солнце обеспечить не могут. Не дошли еще.

Немецкие телевизионщики вокруг нас ходят, радуются, щелкают фотоаппаратами, кричат: нох айн маль! Это значит повторить. Мы повторяем. Все хорошо, а кинопроизводство стоит. Мы-то ждать можем, а шашлыки не могут — они пережарятся. А тогда пусть их "Госкино" ест!

Уже темнеет, дождик накрапывает, и мы понимаем, что съемки сегодня не будет. "Исходящий реквизит" ушел, уже и списан по ведомости, где надо.

"Что ж, — говорят немецкие телевизионщики, — морген, морген, нур ниht хойте!". Что значит: дело поправимое, завтра на том же месте, в тот же час. Просим вас, приезжайте все, вы так хорошо общаетесь,

Эти разные мим

так разговариваете...

Назавтра в назначенный час я бросаю работу, поскольку остановить меня никто и ничто не может, и оказываюсь в заветном лесочке. И в такой же мизансцене. Шашлыки жарятся, скатерть белая, икра черная, два мангала, самовар кипит, струны звенят, телевизионщики ходят вокруг нас, кричат: нох айн маль! А съемки нет. Потому что солнца нет.

Уже вечер, и солнце не выйдет, оно заходит там, где ему это положено. Исходящий реквизит уходит. Немцы опять говорят: "Морген, морген, нур ниht хойте", что означает: если быть точным, завтра, завтра, не сегодня. И еще они говорят, что назавтра им необходимо тот же Гезельшафт и та же Фройндшафт, что означает: то же общество и та же дружба.

И вдруг по дороге домой я почувствовал — стыдно сказать, — что моя страсть к шашлыку на ближайший исторический период удовлетворена и что смотреть, как пахнущий жирком и дымком сочный кусок баранины соскальзывает с шампура прямо в твою тарелку, мне как-то не хочется, невмоготу.

Я говорю виновнице торжества, что завтра, увы, не смогу, у меня дела... Инна меня отпускает, и я не приезжаю.

Но зато приходит солнце! Исходящий реквизит исходит без меня, но зато эпизод "Пикник у русской кинозвезды" снят.

Вспоминая сегодня об этом, думаю: а жаль...

Александр СВОБОДИН.

● Инна Чурикова в фильме «Тема».